

Эскориал. 4 сентября, среда

Время безответственного шатания по Мадриду вышло, и пора нам было двигаться на юг – своим ходом. Это уже не в первый раз в нашей карьере, на разных тачках мы уже поколесили и по Каталонии, и чуть-чуть по Франции, и по Италии, и по Австрии, но всякий раз, садясь за руль незнакомой машины, на которой предстоит двигаться по незнакомой стране, слегка вибрирую... К тому же, в этот раз не совсем ощущал себя «в форме»... Из экономии мы пешочком протопали несколько кварталов к вокзалу Аточа, а там пришлось заняться допросом местного населения с пристрастием в поисках офиса прокатной фирмы. Вообще-то, я предпочитаю, чтобы всякие торгово-дипломатические переговоры во всех случаях вела жена, но тут очевидная разница в наглости использования незнакомых ни ей, ни мне разговорных английского и испанского однозначно заставляла взять себя в руки и все делать самому. У второго попавшегося в мои лапы аборигена удалось выпытать азимут движения – куда-то вверх, а у очередной вокзальной уборщицы – уже прямой тычок в нужную сторону. Тут оказалось, что Танька забыла в отеле ваучер на машину, но убедившись, что мы – те самые люди, которые заказывали машину, арендная девица не стала вредничать, а просто напечатала копию. Это был первый и, слава богу, не последний случай, когда местные проявляли пренебрежение к формальностям.

Следующий такой эпизод случился буквально через 15 минут, когда, уже на свежеполученной тачке мы подкатили к своему отелю, чтобы загрузить чемоданы. Встать легально там абсолютно негде, поэтому на правах «гипертоника» я отправил за поклажей Игоря с Танькой, а сам приткнулся у помойки с включенной аварийкой – как поступают в таких случаях все порядочные люди в Италии. Не прошло и пяти минут, как в стекло застучали – парковочный инспектор, и следующие 10 минут мы занимались каждый своим делом – он изображал написание протокола, а я изображал контуженного слепо-глухого иностранца, который ни хрена не понимает. Почему-то местный страж не сделал того, что с нами сделали в Перудже – тупо подсунув квитанцию под дворник, а, когда он на минуту отвлекся, мы запихали чемоданы в багажник и умчались. Вся эта интермедия никакого продолжения не получила.

При оформлении документов наш владивостокский друг Игорь, он же – Дир, дипломатически уклонился от роли второго водителя, а я-то так на него рассчитывал... И, следовательно, конкурировать за водительское место снова предстояло с Танькой, постоянно выслушивая ее причитания с правого кресла о том, как я зверски превышаю и безответственно рискую... Но вот тут Дир мне оказал моральную поддержку, о чем будет в свое время.

Я не большая поклонница ренессансной архитектуры, но Эскориал для испанцев – это все равно, что Московский Кремль для россиян, поэтому объехать его было никак не возможно.

Огромный монастырь-дворец Филиппа II виден издалека. Построен в 1563 – 1584 гг. из гранита у подножия горной цепи Сьерра-де-Гвадаррама. Автор первого проекта – Хуан Баутиста де Толедо (ум. В 1567 г.), получивший образование в Риме. Исполнение и окончание работ - главный мастер испанского высокого ренессанса Хуан де Геррера (1530 – 1597). В этом сооружении Эррера создал особый стиль испанского ренессанса, названный его именем. Своей простотой этот стиль разительно отличается от игриво-вычурного стиля Изабеллы». «До нач. XX в. был архитектурным образцом: его рациональный план, четкий фасад без единой лишней детали, строгость и монументальность вызвали множество подражаний по всей стране». «Филипп II хотел приготовить для себя прибежище в старости и выполнить завет своего отца, обеспечив ему достойное место упокоения. Объединение дворца, усыпальницы Габсбургов и монастыря в одном комплексе обозначало для него единство духовной и светской власти, утверждение королевского абсолютизма. Это было государство в государстве – с больницей, научными учреждениями, библиотекой, музеем».

О Филиппе II мы знаем прежде всего из «Тилиа Уленшпигеля» и с детства прониклись ненавистью к этой личности – жестокому, прямо-таки кровожадному душителю свободы и всякого инакомыслия, особенно в религиозной сфере. Действительно, «восстание в Нидерландах было в значительной степени делом рук Филиппа, неукоснительно вводившего и укреплявшего в этой стране инквизицию. Самой своей личностью Филипп был ненавистен нидерландцам; на все жалобы и моления Филипп с самого начала царствования отвечал приказами давить еретиков без всякого снисхождения». В течение террора, введенного Альбой, одним из лучших боевых генералов, «Филипп оставался самым деятельным вдохновителем всех жестокостей своего ставленника. Из числа преемников Альбы ни один не мог заключить мира; всяким попыткам, направленным к этой цели, упорно противился Филипп, не выходивший из своего любимого, мрачного, уединённого дворца Эскориала и ведший оттуда огромную, ежедневную переписку со своими наместниками и генералами».

Как же получился такой монстр? До семи лет Филипп рос в кругу семьи с матерью и сестрой Марией. Отец, император Карл V, приезжал в Испанию лишь ненадолго. «В безмятежной обстановке детских лет у него развилась глубокая любовь к природе. Впоследствии, на протяжении всей жизни, выезды на природу, рыбалка и охота сделались для него желанной и лучшей разрядкой после тяжёлых рабочих нагрузок. Филипп с

детства отличался глубокой религиозностью. Любил также музыку и придавал большое значение тому, чтобы приобщить к ней и своих детей. Письма Филиппа, которому было уже за пятьдесят, из Лиссабона, где ему пришлось провести два года без своих маленьких детей, показывают его любящим отцом: он переживает за здоровье малышей, интересуется первым зубом сына и беспокоится о том, чтобы тот получил книжку с картинками для раскрашивания. Возможно, в этом сказалась теплота, которую он с избытком получил в свои детские годы». «Под руководством наставников у Филиппа на всю жизнь развилась любовь к чтению. К моменту смерти его личная библиотека насчитывала 14 000 томов. Среди книг, которые читал Филипп II, рядом с многочисленными классическими авторами, были Эразм, Дюрер, Коперник, Мирандола и многие другие — был даже Коран».

Любовь к природе, музыке, чтению, интерес к науке — все это вызвало у меня чувство духовного родства. Добавьте к этому покровительство искусствам, коллекционирование живописи — он собрал самую большую коллекцию Босха, а ведь чтобы его оценить, надо обладать незаурядным интеллектом и чувством юмора, что обычно фанатикам не свойственно... А вот Эль-Греко с его мрачными красками и необычайным накалом страстей, так, казалось бы, созвучным его характеру, он не оценил и ко двору не пригласил... Забота о детях — это так по-человечески понятно, но обычно совершенно не свойственно монархам... Пока что вырисовывается очень привлекательная личность.

«Для понимания Филиппа как правителя важно, что он совершенно серьезно считал себя ответственным перед Богом за спасение душ своих подданных». И это хорошо, что он серьезно относился к своим обязанностям монарха. *Ох.. Практика показывает, что, чем больше монархи заботятся о нравственном здоровье подданных, тем большее свинство и зверство расцветает в подведомственных им землях. Оглянитесь вокруг.*

«Стиль правления Филиппа был авторитарным и бюрократическим». А каким еще он мог быть, ведь он был монархом! «Следуя советам отца, он следил за тем, чтобы не попасть в зависимость к отдельным советникам». И правильно делал! «Важнейшими центральными органами власти были Советы (*Кортесы*), которые развивались в Кастилии со времени Католических монархов из Королевского совета с конца XV века и усовершенствовались Карлом V». «Коллегиально организованные совещательные органы обладали административными, законодательными и судебными функциями. Это были органы власти, помогавшие королю находить решения и служившие для обмена мнениями». «При выборах в Советы и, в особенности, при назначении ответственных

чиновников король принимал решение после тщательных консультаций и всегда лично». «Сам Филипп крайне редко принимал участие в заседаниях Советов. Как правило, совещательные органы представляли свои варианты решения письменно в форме рекомендаций». Видимо, не хотел смущать своим присутствием, чтобы получить независимое мнение. «Главными помощниками Филиппа в Испании были, в основном, учёные правоведы, часто духовного звания, получившие образование в ведущих университетах и коллежах Кастилии, в первую очередь в Саламанке и Алькала-де-Энарес». «Все важные решения он желал выносить лично и только после тщательной обработки всей поступившей информации. Король был в высшей степени суверенным центром вынесения решений. Ежедневно Филипп просматривал кипы документов; его заметки на полях и поныне служат тому убедительным доказательством. Он требовал, чтобы его постоянно держали в курсе всех событий во всех частях державы». «...засиживался за бумагами до глубокой ночи, покидая рабочий стол лишь тогда, когда чувствовал крайнюю усталость и изнурение». В общем, трудоголик, обремененный непомерным чувством долга. *Всякой бочке – затычка!* И жил, кстати, очень скромно, его личные покои в Эскориале - почти аскетичны. Не тратил деньги Короны на балы и празднества для знати. Заслуживает всяческого уважения! *Честный и аскетичный тиран – намного страшнее беспринципного и развратного – именно из-за непоколебимой уверенности в своей нравственности и праве казнить, а также способности полностью сосредоточиться на ущемлении подданных, не отвлекаясь на баб и пьянку... На эту тему есть очень впечатляющее рассуждение у Разгона в «Непридуманном».*

«Принцип работы Филиппа при общении с совещательными органами, секретарями и прочими ответственными чиновниками, работавшими на него — «разделяй и властвуй». ...относился к своим чиновникам подозрительно, и был заинтересован в поддержании напряженности между ними». Неприятное качество, но, возможно, иначе и нельзя было? Потому что «Если кто-либо из его окружения пренебрегал своими административными и служебными обязанностями, использовал своё положение для личного обогащения, препятствовал осуществлению высших политических, династических или религиозных целей короля, то Филипп без колебаний лишал его должности и удалял от двора, подчас показательно». Даже любимец детства герцог Альба «время от времени терял доверие короля и своё положение при дворе из-за своей политики в Нидерландах и самоуправства». Его объективность распространилась даже на сына, своего тогда единственного наследника, дона Карлоса, который «попал под подозрение в сотрудничестве с нидерландскими повстанцами в 1568 году». Филипп его арестовал и... изолировал в одной из комнат дворца. Но не в каземате! И не убил! Правда,

он сам вскоре умер...Считается, что дон Карлос был психически болен, однако, кто его знает... Может, нормальное человеческое сочувствие повстанцам, абсолютно не свойственное Филиппу, папаша не мог объяснить иначе, чем болезнью...

Так может, жестокость по отношению к Нидерландам – политический эпизод, а у себя дома он был белый и пушистый, заботливый отец народа? Как бы не так!

Религиозные убеждения Филиппа были чрезвычайно гипертрофированы. В соответствии с ними он методично преследовал всех иноверцев – мусульман и иудеев. Особенно жестоко поступали с морисками (крещеными мусульманами) и крещеными евреями – за их поведением постоянно наблюдали сотни глаз и при любом самом незначительном симптоме недостаточной веры предавали суду инквизиции. Созданный ещё в 1483 году Совет Инквизиции приобрел надрегиональную компетенцию и «стал важнейшим центральным органом монархии Филиппа». Но важнейшей, первоочередной задачей он считал не допустить в Испании распространение еретических протестантских идей. Поэтому запрещено было посылать детей на учебу за границу и получать из-за границы литературу. И по всей стране – костры и виселицы, виселицы и костры... Никакого противоречия с любовью к природе и искусству, вообще ничего личного – это просто борьба за чистоту идеи. Хранить которую он считал своей главной миссией, конкурируя в этом вопросе с самим Папой. Хладнокровно и методично. Как гестапо.

Мориски не выдержали – подняли восстание. Оно было подавлено и затоплено в крови, после чего изгнали всех выживших, включая мусульман и крещеных евреев и протестантов. Все это, заметьте, - наиболее работающие и способные группы, искусные ремесленники и интеллигенция. В результате – экономический упадок и полное обнищание... *А вот так всегда и бывает, когда тупые держиморды лезут своему народу в душу и пытаются там что-то «регулировать»...*

Видимо, Филипп умер с чувством выполненного перед господом долга. Как он его понимал.

Еще одна деталь: когда он был еще наследником, его женили на английской принцессе Марии, которая, став королевой, получила прозвище «Кровавая» за то же самое - борьбу с еретиками. Очень нравственная была женщина. Они с Филиппом – просто духовные близнецы. Но это проявилось позже, а в самом начале, давая согласие на брак, английский парламент оговорил обязательное условие: Филипп не будет претендовать на английскую корону. Не понравился он: высокомерен и заносчив. Жену свою он не любил, несмотря на духовное родство: она была много старше его и некрасива. (А может, потому что была слишком нравственна? Детей у них во всяком случае не было). Когда она умерла, «он желал жениться на её преемнице Елизавете, но последняя искусно отклонила

это сватовство. По мере того, как росли успехи Нидерландов, Елизавета обнаруживала все больше и больше сочувствия к их делу». Хотя не могла не понимать опасность подобного примера для монархии.

Впору посочувствовать Филиппу: его никто не любил: ни народ, ни знать, ни даже собственный сын, о котором он так нежно заботился в детстве. А вот наша российская Елизавета была полной противоположностью Филиппу: необразованная и ленивая, она совершенно не занималась делами государства, свалив все на приближенных. Ее набожность не мешала ей веселиться, проматывать огромные деньги на празднества и особенно наряды, которых было свыше 10 тысяч – искусно выделанных, из драгоценных тканей с драгоценными камнями. Никакого уважения такое поведение монарха вызвать не может. Однако отменила смертную казнь (малолетнего царя, правда заточила в крепость, родителей сослала, как и других опасных для нее людей, подчас несправедливо, но таких было – считанные единицы), и, между прочим, Фридриха Великого разгромила, русские войска заняли Берлин, *и еще в XVIII веке она имела возможность переименовать захваченный и принесший ей присягу на верность Кенигсберг в Калининград....* Вот и думаешь: что лучше для страны, а что хуже...

А фанатизм Филиппа наиболее наглядно проявился при строительстве Эскориала. *«Когда его солдаты разбили при Сен-Кантене французскую армию, они невзначай разрушили монастырь св. Лаврентия, который был по рождению испанец и особенно чтим за самую жестокую мученическую смерть. Во искупление вины дворец должен был олицетворять орудие смерти. Массивное четырехугольное здание должно было изображать перевернутую решетку, четыре угловые башни – ножки, выступающий вперед Дворец инфантов – ручку». Надо же, какой козел принципиальный! Я и не знал...*

Музей Эскориал принимает толпы туристов, и я полагала, что парковка устроена, как в городках Италии, где-то под горой. Однако навигатор упорно тащил нас вверх, мы проехали широкие улицы и углубились в средневековый лабиринт под невероятным углом, что для нашей козявки было непросто. Когда мне показалось, что впереди – тупик, мои нервы, наконец, не выдержали, я выключила жестянку и потребовала парковаться в первом разрешенном для этого месте. Встали на узенькой улочке, заплатили за 2 часа и пошли пешком – прямо между столиками дорогих ресторанов, окружающих дворец и прямо перед входом обнаружили дыру, ведущую в огромный подземный (точнее, внутригорный) паркинг.

Это было наше первое знакомство со спецификой испанской автомобильной езды. Здесь, в Эскориале, как и во всех остальных городах на нашем пути, улочки еще уже, чем в городках Италии – Урбино, Губбио, Ассизи, но если там въезд посторонним в

исторический центр, к счастью, запрещен, и мы только с ужасом наблюдали езду аборигенов, то в Испании – пожалуйста, проезжайте на свой страх и риск. Навигатор прокладывает маршрут абсолютно точно. Но и здесь, и в дальнейшем мы ему совершенно напрасно не доверяли – нам казалось, что свернуть, куда он указывает, нельзя, т.к. даже наша соплюшка там просто не поместится. В итоге мы накручивали лишние круги, а потом все равно приходилось втискиваться в указанные щелки, порой сложив зеркала. Юрка, к слову сказать, меня за руль в

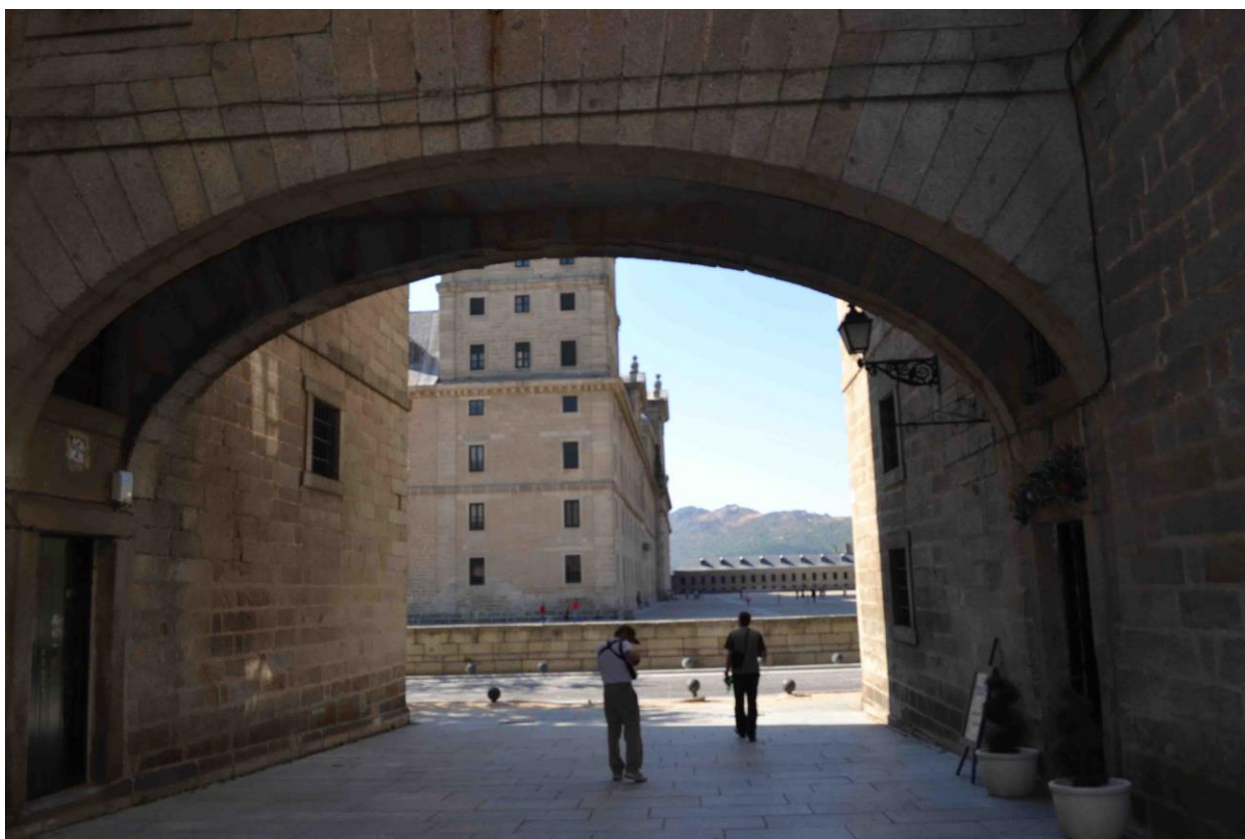
таких ситуациях не допускал (я вела только на трассе), а сам вел машину аккуратно и уверенно, а у меня дух захватывало из боязни что-нибудь задеть или вляпаться в ДТП. В общем, впечатлений от такой экстремальной езды мы получили ничуть не меньше, чем от архитектурных красот, хотя вполне могли бы без них обойтись. Но тут ничего нельзя было поделать – такова была плата за размещение в историческом центре городов. Разумеется, я выбирала гостиницы с парковками, полагая, что если есть парковка, то имеется и возможность к ней подъехать. Действительно, имеется. Но не для слабонервных.

Сам городок – очаровательный, утопающий в зелени, - возник одновременно с дворцом.

Вот через эту арку мы выходим на обширную насыпную площадь, окаймляющую дворец с двух сторон:

Дворец с площадью, парками и садами эффектно нависает над бездной ущелья.

«Редко случалось, чтобы в один прием создавалось в таких грандиозных размерах колоссальное здание, как дворец Эскориал: со своими 16 дворами, 86 лестницами, 2673 окнами, со своей посвященной св. Лаврентию купольной церковью, своим монастырем, своей библиотекой, обширными помещениями для жилья и для гостей, этот дворец

охватывается огромным прямоугольником, обозначенным угловыми башнями». Внутри, за внушительными в пять этажей голыми стенами, только у входного портала прерванными выступом, перекрытым строгим фронтоном с восемью дорическими внизу и восемью ионическими колоннами наверху, скрываются парадные залы с коробовыми сводами, нет недостатка в благородных расчленениях; в многочисленных дворах с колоннадами, с дорическими нижними и ионическими верхними этажами, скрыто много очаровательных в ритмическом отношении переходов, полных настроения скрытых галерей и удобных для созерцания уголков.

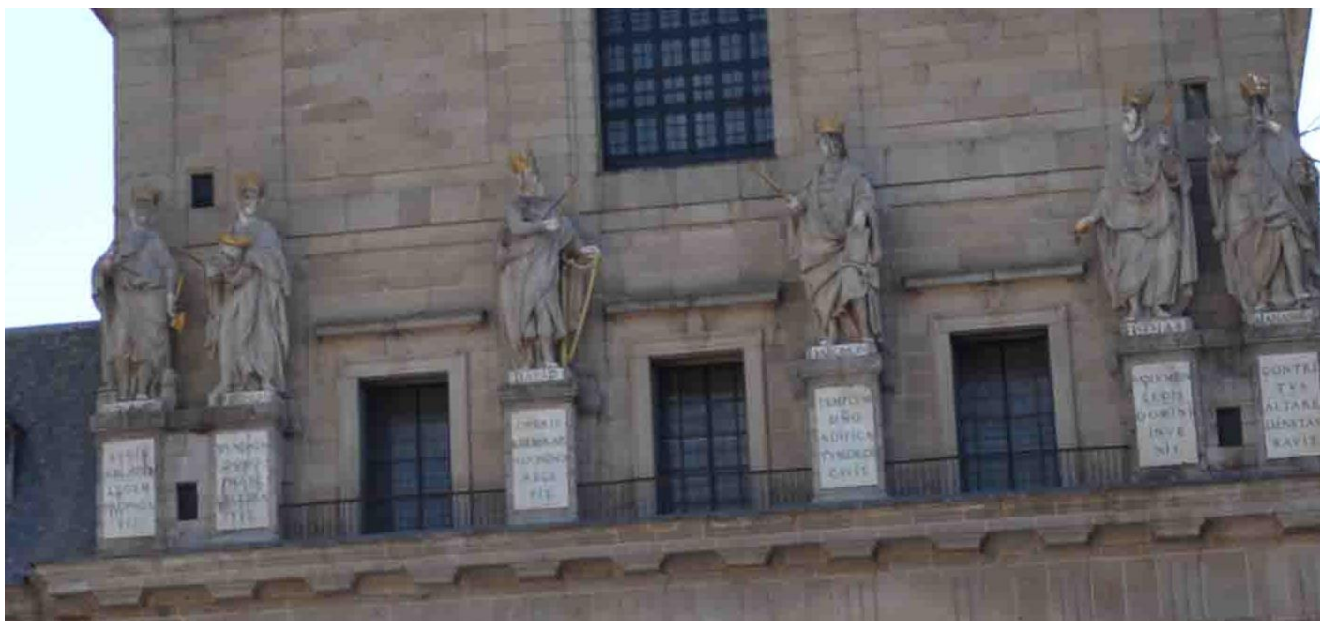

Это – единственные снимки интерьеров, которые мне удалось сделать тайком, т.к. внутри снимать запрещено. Так что не буду описывать внутреннее убранство. Достаточно сказать, что «покои Филиппа II и его дочери, по-кастильски скромно отделанные изразцами, с терракотовыми полами и благопристойными картинами на стенах. ...Совсем иначе выглядят покои королей династии Бурбонов, расположенные на втором этаже и украшенные со всей роскошью: на стенах висят гобелены, выполненные по эскизам Рубенса и Гойи». (Бурбоны по традиции проводили в Эскориале часть года).

«Весь комплекс расположен симметрично относительно самого большого из 16 внутренних дворов – двора Королей. Справа и слева находятся здания монастыря, сегодня частично занятые под интернат»:

Прямо перед нами - вход в базилику, «огромный дорический купольный храм, прототип двухэтажной современной придворной церкви». На ее фронтоне - колоссальные статуи шести ветхозаветных царей работы Хуана Баутиста Монегро (ум. в 1621 г.), лучшего ученика Берругете», которые считаются работы «старого типа на итальянской почве».

Внутри – множество скульптур, в том числе «потрясающая по совершенству скульптура Христа работы Челлини», а под главным алтарем – королевский склеп с прекрасными надгробными изваяниями, в котором «погребены все испанские государи, от Карла V до Филиппа V и Фернандо VI, и те из их жён, чьи сыновья стали королями». В XVII в. пантеон был расширен (число покойников постоянно возрастало): новую погребальную капеллу построил в 1617 г. Хуан Баутиста Кресценций (1585 – 1660), родом итальянец, при участии Хуана Гомеса де Мора и др. По новой моде, отражающей

очередной виток интереса к римским корням, она стала восьмиугольной купольной церковью, пышно отделанной яшмой с позолоченными бронзовыми украшениями, всякими ангелочками и прочей дребеденью: «Язык форм обнаруживает робкий переход к барокко».

Отдельные помещения были изначально отведены под «Новые музеи» - здесь выставлялась королевская коллекция картин. Тут и сейчас неслабые работы, в том числе и неоцененный хозяином Эль-Греко. ««Св. Маврикий» (1584) и «Видение Филиппа II» (1597) – лучшие картины его нового направления, отмеченные тройным серо-сине-желтым аккордом, облегающим преувеличенно длинные, часто охваченные судорожным движением фигуры». Среди других картин (Тициана, Босха, Риберы, Мурильо) – написанная в Риме «Одежда Иосифа» Веласкеса (1630).

Наконец на выходе можно посмотреть на прекрасный зал библиотеки, расписанный итальянцами: «Пеллегринио Тибальди 9 лет работал в Эскориале и мадридском дворце; Бартоломео Кардуччи из Флоренции (1560 – 1614) вместе с Тибальди работал над манерными аллегорическими фресками библиотеки Эскориала».

Посмотрели мы на все это великолепие, обошли вокруг и поняли, почему после Филиппа никто из монархов здесь жить не захотел: так все это правильно и скромно, что наводит неизбывную тоску. Очень хорошо отражает характер заказчика, по крайней мере его фанатичную педантичность, строгость и аскетизм. Его жестокость – нет, слава богу, не отражает, т.к. никаких ассоциаций с решеткой для поджаривания у меня лично не возникло. Но в эмоциональном отношении огромное монотонное каре зданий производит давящее впечатление. Если в других виденных нами дворцах внутренние дворыки устроены для отдыха на воздухе, украшены архитектурно или содержат цветники, здесь они напоминают тюремные дворы для прогулок. Правда, есть за ним парк. А в нем – наполненный первоклассной живописью домик принца, построенный в XVIII в. уже знакомым нам Вильянуэвой. Но это уже другая эпоха. Мы туда не пошли – время парковки нас ограничивало, да и хотелось поскорее оказаться в Толедо. В общем, галочку поставили, что мы там были, и удовлетворили исторический интерес. А эмоционального удовольствия лично мне это зрелище не доставило.

Ну, для человека, росшего и развивавшегося под действием таланта Шарля де Костера, я встречу с Эскориалом перенес практически безболезненно, чему немало способствовала солнечная погода – у меня в таких случаях улучшается настроение... Хотя ощущение того, что это - то ли суперказарма, то ли суперострог у меня присутствовало. Конечно, система, у которой вырваны ядовитые хищные зубы инквизиции, по прошествии веков выглядят уже не так устрашающе, а, скорее,

антикварно, но симпатии все равно не вызывает. Так, добавление в уже длинную коллекцию королевских дворцов... Но Шенбрунн и неаполитанский Палаццо Реале – посмипатичней, а Лувр и Зимний – не в пример роскошнее...

Выехать с парковки на большую дорогу оказалось ничуть не проще, чем туда попасть – несколько раз мы ошибались с поворотами, накручивали круги, забирались все выше по узким улочкам, похожим скорее на чьи-то задворки, спускались под немыслимым углом, но все же выбрались, и никто нас не оштрафовал. И помчались в Толедо.

Вот опять это – «мы помчались»... При любом превышении скорости по индикатору хоть на километр с правого кресла раздавался возмущенно-сварливый писк, который я, правда, научился просто игнорировать. К тому же, когда Танька дорывалась до руля на длинных прогонах трассы, мы с Диром мстили ей, хором погромче считая моменты превышения скорости. Все же – люди, и ей хотелось погонять, и нам - маленько повредничать в отместку.